

УДК 347.6

DOI 10.34076/2658-512X-2020-5-84-88

Пожилых Анастасия Игоревна (nastia.pozhilyh@yandex.ru)

ORCID:0000-0003-0732-8685

Студентка юридического факультета

Воронежского государственного университета

Anastasiya I. Pozhilykh

ORCID:0000-0003-0732-8685

Voronezh State University

Law faculty, Student

Научный руководитель:

Сафронова Татьяна Николаевна

Доцент кафедры гражданского права и процесса

Воронежского государственного университета

Кандидат юридических наук

Academic supervisor:

Tatyana N. Safronova

Assistant professor of Civil Law and Proceeding

Voronezh State University

Candidate of Juridical Sciences

История наследственного договора**History of inheritance agreement**

Для цитирования: Пожилых А. И. История наследственного договора // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5. С. 84–88. DOI 10.34076/2658-512X-2020-5-84-88.

For citation: A. I. Pozhilykh, 'History of Inheritance Agreement' Ural Journal of Legal Research, 2020, No 5. pp 84–88. DOI 10.34076/2658-512X-2020-5-84-88.

Аннотация: В статье анализируется зарубежное законодательство в той части, которая связана с наследственным договором. Автор статьи делает выводы об основных направлениях развития наследственного законодательства. Кроме того, автор приходит к выводу о том, что существующее на сегодняшний день определение наследственного договора не корректно.

Ключевые слова: наследственное право, основания наследования, наследственный договор, третье основание наследования.

Abstract: This article analyzes foreign legislation in terms of the inheritance agreement. In the article the author draws conclusions about the main directions of inheritance legislation development. As a result, the author comes to the inference that the current definition of the inheritance agreement is not correct.

Keywords: inheritance law, grounds of inheritance, inheritance contract, third basis of inheritance.

История наследственного договора уходит своими корнями в постклассический период римского частного права. Именно тогда появилось третье, наряду с наследованием по закону и наследованием по завещанию, основание наследования, получившее название *actum fiducia* (дословно – договор о доверии).

По указанному договору отец семейства, эмансипирующий сыновей, мог по взаимному согласию с ними установить свое право наследования определенной доли в их имуществе, то есть назначить себя наследником в договорном порядке. Позднее практика римских юристов изменила условия и содержание данного договора в целях придания ему юридической силы, поскольку по общему правилу наследственные договоры (*pacta de successione futura*) признавались недействительными [2].

Эта конструкция наследственного договора впоследствии была перенята средневековым германским правом, что, согласно мнению Фердинанда Лассалья, немецкого юриста, обусловило юридическую силу наследственных договоров в немецком праве.

Идея же наследственного договора распространилась за пределы Германии только после принятия в ней Германского гражданского уложения (далее – ГГУ, Уложение) [3]. Уложение регламентировало все особенности наследственного договора и, прежде всего, его смешанную наследственно-правовую и договорно-правовую природу. Так, из пунктов 1 и 2 § 1941 ГГУ)¹. вытекает следующее определение для наследственного договора: это взаимное соглашение, по которому лицо может назначить другое лицо (являющееся или не являющееся другой стороной в договоре) наследником всего своего имущества или же его части или отказополучателем при установлении легата.

Основные свойства наследственного договора, которые были регламентированы ГГУ, были впоследствии восприняты правовыми системами других стран Европы – Швейцарией, Австрией, Польшей и другими. Позже наследственный договор появился в праве африканских и латиноамериканских стран. Специфическая модель наследственного договора утвердилась также в праве Англии и США.

Наибольшее развитие и распространение наследственный договор получил лишь в ряде стран, к числу которых можно отнести ФРГ, Англию и Швейцарию. В ФРГ наследственными договорами регулируется 15% наследственных отношений, в Англии – 46,8%, а в Швейцарии – 75% [4]. Из приведенных данных следует вывод, что наследственный договор как основание наследования не только применяется наравне с традиционным завещанием, но и в некоторых странах даже преобладает над ним. В связи с этим для целей настоящей статьи представляется рациональным уделить вначале внимание анализу наследственного договора в гражданском праве именно этих стран.

Как уже было отмечено, исторически первым государством Европы, где возник институт наследственного договора, стала Германия. Так, немецкие юристы определяли наследственный договор как «распоряжение на случай смерти, которое составляется двумя или более лицами в форме договора, по которому наследодатель назначает своим наследником вторую сторону договора или третье лицо».

В науке немецкого гражданского права существует понятие «сделок между живыми на случай смерти» (*Zuwendungen unter Lebenden auf den Todesfall*), к числу которых относят и наследственный договор. Они представляют собой вещные сделки, правовые последствия которых возникают после смерти одной из сторон. При этом в части оснований недействительности, оспаривания, расторжения к данному институту применяются общие положения о сделках (а в случае заключения наследственного договора – общие положения о договоре). Действительно, наследственный договор обладает свойствами классического договора. Так, в п. 3 § 2298 ГГУ устанавливается возможность расторжения наследственного договора, § 2283 – возможность его оспаривания до открытия наследства, а § 2287 – возможность признания наследственного договора недействительным в случае злоупотребления правом (§ 226 ГГУ).

1. Гражданское уложение Германии 18 августа 1896 г. // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 2015. С. VIII-XIX, 1–715.

Также представляет особый интерес модель наследственного договора, утвердившаяся в гражданском праве Англии. Юридическая возможность заключения наследственного договора в Англии была установлена в 1769 г., когда судья Палаты Лордов Лорд Кэмден вынес решение по делу *Dufour v. Pereira* (Дюфур против Перейры). В этом решении указывалось то, что муж и жена могут заключить соглашение, по которому каждый из них назначает своего супруга или третье лицо наследником. Предметом соглашения могла быть только доля в общем имуществе супругов, которая перешла бы в собственность сторонам договора в случае развода. Указанная конструкция получила название «зеркальное завещание» (a mirror will), хотя и, как отмечают немецкие юристы, по своей сути она гораздо ближе к брачному договору, чем к завещанию.

«Зеркальное завещание» существовало в праве Великобритании в неизменном виде до вынесения решения по делу *Re Oldham* 1925 г. В данном решении судом было установлено, что «зеркальное завещание» является одним из возможных видов так называемых «взаимных завещаний» (a mutual will). Как указал суд, «взаимное завещание» – это договор, по которому стороны взаимно обязуются назначить наследниками друг друга (т. е. данный договор имеет двустороннеобязывающий характер) или третье лицо. При этом круг лиц, с которыми может быть заключен такой договор, не ограничен только супругами. Для придания таким договорам юридической силы необходимо, чтобы они были заключены в присутствии не менее чем двух свидетелей, а также были нотариально заверены в соответствии с требованиями ст. 9 Закона о завещаниях 1837 г. (Wills Act of 1837). Спустя несколько лет в деле *In re Green* было установлено, что указанный договор также имеет большую юридическую силу, чем составленное до него завещание (заключение договора влечет ничтожность завещания), поскольку объединяет волю двух лиц.

Таким образом, английская модель наследственного договора имеет некоторые сходства с немецкой. Однако в последнее время понимание наследственного договора в английском гражданском праве начинает изменяться. Так, если раньше судебная практика признавала наследственно-правовую проблему «взаимного завещания», то в настоящее время суды все более склоняются к ее договорно-правовой природе. Так, Апелляционный Суд Англии и Уэльса в решении по делу *Walters v. Olins* указал, что «взаимное завещание» может содержать условия как вещно-правовой, так и обязательствственно-правовой природы, в связи с чем применение к «взаимным завещаниям» только общих положений о завещаниях, установленных в законе, не позволяет обеспечить достаточный уровень правового регулирования. Поэтому суд указал, что «взаимные завещания» должны также регулироваться положениями договорного права и подчиняться правилам о процессуальной защите договорных правоотношений.

Исходя из всего этого, можно сделать вывод о том, что, исторически сформировавшись в наследственно-правовом поле, английское «взаимное завещание» постепенно приобретало все больше договорных элементов в себе, благодаря чему английская судебная практика начинает трактовать «взаимное завещание» как гражданско-правовой договор (a contract of succession).

Вполне специфическая модель наследственного договора сформировалась в гражданском праве Швейцарии. Швейцарский Гражданский кодекс (далее – ШГК) в ст. 494 указано, что наследственным договором признается смешанный гражданско-правовой договор, согласно которому одна из сторон – наследодатель – назначает по своему усмотрению другую сторону или третье лицо наследником или устанавливает завещательный отказ.

При этом п. 2 ст. 494 ШГК указывает, что лицо свободно в заключении такого договора в отношении любого принадлежащего ему имущества и с любым лицом, кроме случаев, если данное лицо было признано недостойным наследником. Также как и в ФРГ составленные до заключения наследственного договора распоряжения на случай смерти теряют юридическую силу. В ст. 512 ШГК установлено требование к форме этого договора: он должен быть составлен

нотариусом в присутствии двух свидетелей со слов обеих сторон договора. Кроме того после заключения указанного наследственного договора наследодатель «не теряет возможности при заключении наследственного договора при своей жизни распоряжаться этим имуществом, даже когда это приводит к тому, что предусмотренные наследственным договором распоряжения относительно имущества будет невозможно исполнить или они потеряют всякий смысл» [1].

Главным же отличием швейцарской модели наследственного договора от английской и немецкой является специфика предмета договора. Как указал Федеральный Верховный Суд Швейцарии в постановлении от 2 июля 2013 г. по делу TFLa C 19/391, системное толкование ст. 494 и 495 ШГК позволяет сделать вывод о том, что наследственный договор может иметь как «позитивный» характер, так и «негативный», то есть данный договор может как устанавливать статус наследника, так и регламентировать отказ от наследства или же от отдельной его части (например, от договорных обязательств наследодателя, которые бы перешли к наследнику в порядке универсального правопреемства). При этом суд в своем постановлении отметил то, что «негативный» наследственный договор может быть заключен только с тем лицом, которому по закону причитается обязательная доля в наследстве.

Таким образом, в Швейцарии, как и в Великобритании, теория и практика гражданского права указывают на договорно-правовую природу наследственного договора. В свою очередь, отличием Швейцарской модели от немецкой и английской является юридически закрепленная возможность заключения как договоров о назначении наследника, так и договоров об отказе от наследства. Общей чертой наследственного договора в праве всех указанных стран является нотариальная форма его заключения.

С 1 июня 2019 года и в нашей стране появилась еще одна форма передачи имущества – наследственный договор.

Следует отметить, что для российского права данный институт наследования является абсолютно новым. Однако некоторые теоретики утверждают, что есть основания полагать о существовании зачатков наследственной договорной конструкции в период, когда основным источником права являлась Русская Правда. Речь тут идет о так называемом «ряде», который некоторыми авторами характеризуется как договор заключенный между всеми членами семьи (при преимущественном участии в нем отца семейства) об общем семейном имуществе.

Позиция современного российского законодателя выражена в появлении новой ст. 1140.1. ГК РФ (введена ФЗ от 19.07.2018 г. № 217-ФЗ). В соответствии с данной нормой наследодатель вправе заключить с любым из лиц, призванных к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, призванным к наследованию (наследственный договор).

Из вышесказанного явно следует, что российский законодатель предложил комбинацию указанных выше подходов.

Таким образом, содержание договора – гибрид германской (завещательные распоряжения будущего наследодателя) и украинской (предоставления до или же после открытия наследства второй стороны договора) моделей. А кроме того возмещение убытков (английская модель) в случае отказа от договора с полной свободой прижизненного распоряжения своим имуществом (собственное изобретение, нивелирующее в значительной степени безотзывность посмертного распоряжения отчуждателя).

Важной особенностью наследственного договора выступает его двойственная правовая природа. Поскольку он сочетает в себе признаки и завещательного распоряжения, и договорного обязательства. В связи с этим существует определенная специфика в отношении порядка его заключения, расторжения и оспаривания, что вызывает много споров в научном сообществе.

Российская модель правового регулирования в качестве общего порядка предусматривает безвозмездность наследственного договора. В научных кругах данное положение выступает предметом диспутов. Зачем же необходимо заключать договор, который не влечет появления взаимных прав и обязанностей? А в некоторых зарубежных государствах, например, Украине, законодатель прямо устанавливает требование о возмездности наследственного договора.

На мой взгляд, предоставление сторонам свободы в определении возмездности данного договора допустимо. Однако следует понимать, что именно возмездность договора и возможность получить соответствующее встречное предоставление в форме тех или иных действий будущим наследодателем еще при жизни является одним из несомненных плюсов такого договора и возможно даже причиной, которая способна побудить гражданина заключить такой договор. Соответственно, необходимо законодательно предусмотреть возможность принятия приобретателем имущества отчуждателя по наследственному договору на себя обязанности совершить в пользу отчуждателя определенные действия не только после его смерти, но и до таковой.

Таким образом, можно предложить следующее определение наследственного договора: это договор, в котором одна сторона (отчуждатель) делает распоряжение о переходе в случае своей смерти принадлежащего ей права на определенное в данном договоре имущество другой стороне (приобретателю) или третьему лицу. Наследственный договор может также возлагать на приобретателя обязанность совершить до и (или) после смерти наследодателя какие-либо действия имущественного и (или) неимущественного характера.

Библиографический список

1. Аболонин В. О. Общая характеристика наследственного договора в праве Германии, Австрии и Швейцарии / В. О. Аболонин // Нотариальный вестник. 2010. № 2. С. 140–154.
2. Курдиновский В. И. Договоры о наследовании. Записки Императорского Новороссийского Университета юридического факультета. Выпуск IX, изданный под редакцией и. д. орд. проф. А. П. Доброклонского. – Одесса: Типография «Техник», 1912.
3. Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 34–43.
4. Пучков В. О. Наследственный договор как особый институт гражд. права иностранных государств: общая характеристика и проблемы правового режима // Гражданское право и процесс. 2016. Т. 10. № 3. С. 30–36.

References

1. V. O. Ablonin, *General Characteristics of the Inheritance Agreement in the Law of Germany, Austria and Switzerland* (2010) The Notary Bulletin 2, at 140–154.
2. V. I. Kurdinovsky, *Contracts of Succession* (1912) Notes of the Law Faculty of the Imperial Novorossiysk University 9 (edited by prof. A.P. Dobroklonsky).
3. I. V. Matveev, *Inheritance Contract: Foreign Experience and Prospects of the Emergence in Civil Law of the Russian Federation* (2015) Russian Justice 1, at 34–43.
4. V. O. Puchkov, *Inheritance Contract as a Special Institution of Foreign States Civil Law: General Characteristics and Problems of the Legal Regime* (2016) Civil Law and Procedure, at 30–36.